

Александр ВЕРГЕЛИС

Александр Вергелис родился в Ленинграде в 1977 году. Публиковался как поэт, прозаик и критик в журналах «Аврора», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Сибирские огни», «Слово/Word», «Урал» и других изданиях России и зарубежья. Лауреат премии журнала «Звезда» (2006), премии имени Беллы Ахмадулиной «Белла» (Верона, 2013), победитель конкурса имени Н.С. Гумилева (2017). Автор двух книг стихов. Живет в Санкт-Петербурге.

СКВОЗНЯК

Рассказ

Что? Да нет... Вообще-то я всегда входную дверь закрываю, когда мусор выношу. Или когда на лестницу покурить выхожу. До мусоропровода и обратно – полминуты ходу, ничего страшного не случится. Соседи у нас, правда, пьянь конченная, но смирные, да и меня побаиваются. Нет, ничего такого я им не делал – просто видят, что конкретно мужик в квартире, и не выделяются, тихо квасят, чистоту соблюдают. И чтобы там в дверь к нам лезть или ещё что – не может быть и речи. И всё равно я дверь всегда захлопываю, а тут почему-то не захлопнул – щёлку оставил. Почему – сам не знаю.

Помню, торопился – моя вечно недовольна, что вот, дескать, вечер, поздно уже, а ведро, мол, полное. Я, вообще-то, скандалов не люблю, ссор там всяких – терпеть не могу. Но иногда злюсь, конечно, могу и грубость сказать. Сама-то она к ведру никогда не прикасается – графиня, тоже мне... А тут еще у нее мигрень – ну значит, мне и мальчишку укладывать. Что? Да нет, я не из тех, кому это поперёк горла – не мужское, мол, дело, то да сё... Я к кровати подошел, а он всё скулит – чудится всё ему, бедному, что-то в темноте, мерещится. И ведь каждый раз так. То на потолке ему что-то привидится, то под кроватью кто-то сидит. И окно открыть не даёт – боится, что влетит что-нибудь страшное. А что у нас в окно может влететь, кроме пыли-то? И главное, так боится, что без меня заснуть не может. Я обычно рядом на полу ложусь. Ложился то есть. Ну вот...

Что? Нет. Раньше такого не было. Раньше нормально засыпал. А теперь – любой тени боится, любого шороха. Боялся то есть... В детском саду говорят... говорили, мол, возраст такой. Ну да, нормальное дело. Я-то в детстве тоже темноты боялся, мне за это от отца влетало. Он меня с пелёнок мужиком воспитывал – чтоб страха не знал, и всё такое. Но я своего никогда не шлёпал. Не то чтобы считаю, что детей бить нельзя, а как-то вот просто не шлёпал, и всё...

Что? Короче, пошел я мусор выносить, а дверь, значит, приоткрытой оставил. Наверное, потому что торопился очень – не хотелось ребёнка одного в комнате оставлять. Сейчас, говорю, не плачь, маленький, я на минутку – только пакет в мусоропровод выброшу и вернусь. А он: папа, папа, не уходи, страшно мне, мол. Я уж и злиться стал. Всё-таки парень растёт. Еле руку отцепил. На минутку, говорю, отлучусь, а то мусор вонять будет. Ну и пошёл... Что? А жена в другой комнате лежит со своей мигренью – двушка у нас. Маленькая, но зато своя. От родителей осталась. Так вот, с мигренью лежит, а телевизор не глушит. Я говорю, выруби ты ящик, если башка болит, а она рукой махнула, говорит, телек её от мигрени отвлекает. Ну ладно. Мне-то что. Мне телевизор вообще не нужен – я на кухне с планшетом засяду, футбол посмотрю или фильм какой-нибудь. Ну это раньше – сейчас как-то уже не до этого. В общем, взял пакет с мусором и пошёл.

Что? Да не знаю я... Не закрыл, и всё. Может, потому что мальчишка мой всегда просит дверь в комнату открытой оставлять – ну из-за страхов своих. Чтобы нас с

матерью слышно было. Но то ведь комнатная дверь, а тут – входная. Я всегда захлопывал – жена сквозняков боится, не любит, когда открыто, а тут я возьми и оставь щель сантиметров десять шириной. Ну вот такую, с ладонь.

Короче, возвращаюсь через минуту. Максимум через две. И понимаешь, сразу почувствовал: что-то не так. Тихо как-то. Сначала подумал – потому, что моя телевизор выключила. А он, телевизор-то, смотрю, работает – только звука нет. Моя лежит без света и в экран смотрит, мне – ни слова. Ну ладно, я – в детскую, к сыну. На ходу сказку придумываю. Я ему каждый вечер сказку новую сочиняю. Моя меня за это Андерсеном называет... называла, вернее. О, если всё, что я ему там понапридумывал, записать, вот такой толщины книжка получится! Да...

Ну вот, захожу, значит, в детскую. А и там тишина. Думал, мой совсем от страха скуксился, молчит. Подхожу – ах ты Боже мой! Спит! Я сначала обрадовался – ну, слава, думаю, Богу – прикрыл его одеяльцем и уже на выход пошёл, да что-то мне показалось... Что? Да как-то всё не так. Не знаю, как и объяснить. Умом-то не поймёшь. А сердце вот прямо тянет, тянет... Никогда такого не было, честное слово.

Короче, душа не на месте, не по себе мне как-то. Смотрю на него и как будто не узнаю. Лицо как будто другое. Чужое какое-то. Ну, у ребёнка. То ли освещение такое – темно всё-таки. То ли мне самому причудилось. И непонятно – то ли спит, то ли не спит. Я в дверях обернулся – а он смотрит. Мне аж не по себе стало – странно так смотрит, долго. И не моргает совсем. И молчит.

Я к жене в комнату, как, мол, голова, спрашиваю. Она спокойно так отвечает: хорошо, мол. А сама на меня и не взглянет. Ты поспи, говорю, а телевизор я все-таки выключу. Хорошо, говорит. Я телек вырубил, дверь ей закрыл. На кухне ещё посидел чуток, зубы почистил и тоже спать пошёл. Жена вроде заснула. Лежит на спине как лежала – в той же позе и одетая. Я думал её растолкать, чтобы разделась, да не стал. Рядом лёг. И в общем, сразу заснул – устал после смены.

Что? Не знаю, сколько времени прошло – думаю, немного, час или полтора – и вот я вдруг просыпаюсь – сам не знаю, что меня разбудило. Темно в комнате, но, в общем, видно: моя лежит всё так же, поверх одеяла, одетая, только голову повернула ко мне. И смотрит. Долго смотрит, и тоже хоть бы моргнула! Я так думаю, глаза её меня и разбудили. Чего ты – спрашиваю – чего не спишь-то? Она молчит, только глаза опять прикрыла, и всё.

Утром встали, туда-сюда. Мальчишка спал ещё. А может, и не спал – я в детскую не пошёл. Думаю, раз тихо, значит спит. Суббота, в садик ему не надо, пускай поспит. Ну вот. Сели завтракать. Всё вроде нормально, своим чередом. Только тихо как-то – не нашему. Сидит моя, значит, ест молча. Я ей про то да про сё, а она молчит. Покивает только, и всё. Как голова, говорю – прошла? Прошла – говорит. И опять молчать. Раньше трещала без остановки, как заведённая – и утром, и вечером. С работы придёшь усталый, тишины хочется, покоя, а она треплется, треплется. Да я ж понимаю – пока я на смене, соскучится. Ну посидим, поговорим о том о сём – о работе, о ребёнке. Родичам, друзьям-приятелям кости перемоем. Я иногда пивка принесу – в разумных пределах. Что? Да под пивко она вообще тараторила так, что слова не вставишь. А тут – молчит и всё. Обиделась, что ли, думаю? Спросил – не обиделась ли на что. Нет, говорит, не обиделась. Да нет, я же знаю, какая она, когда обижается. К ней вообще лучше не подходить, плюнешь – зашипит. А тут сидит просто, и всё.

После завтрака пошел сына поднимать. Хватит спать, говорю, соня, вставай. А он и не спит – лежит себе и смотрит. Я его ну щекотать, а он не смеётся. И не улыбнётся даже. Только смотрит, и всё. Я думаю – ну, заболел. Лоб потрогал – ничего лоб, не горячий. Наоборот, даже прохладный. Спросил его про самочувствие – хорошее, говорит.

Что? Да ел-то как раз нормально. Без капризов, без дерготни. А то бывает, это не буду, то не хочу. Сплошная нервотрепка. Кашу манную и блины только любил. Сырники

ещё. Ну мы на поводу у мелкого не шли, рацион у нас всегда разнообразный был. В общем, часто ему чуть не силой еду впихивали. А тут – нормально всё, спокойно: сидит, овсянку жуёт и носа не воротит. Но понимаете, жуёт как-то не так. Что? Да не могу словами описать. Раньше по-другому жевал...

После завтрака пошел, вроде, в свою комнату. Я думал – поиграть, заглянул, а он на полу сидит. На полу сидит, и всё. Я ему машинок, кубиков, солдатиков из коробок целую гору насыпал. Сидит, смотрит. А если и возьмёт что-нибудь в руки, то подержит, посмотрит безо всякого интереса и на место положит.

Что? Да, да... А главное, спит он странно. После обеда тихий час – у нас как в садике, всё по расписанию. Он днём спать не любит – всегда ноет. А тут – ничего, спокойно лёг. Я шторы задернул, свет выключил. Минут через десять заглянул. Но так и не понял – то ли спит, то ли нет. Подкрался на цыпочках, а он глаза открыл и смотрит, смотрит. Долго так и... непонятно, чего смотрит-то. И главное – не моргает. Ну да я говорил уже... Я ему: спи давай. Глаза, говорю, закрой. Закрыл. Я, говорю, следить буду, чтобы не открывал – тут лягу и буду смотреть. Хорошо, говорит. И лежит, в общем, тихо – как будто спит. Я матрас принес и рядом на полу лёг. Лежал, лежал, да сам и заснул – ночью-то не выспался, а вечером после смены ушатанный был. Просыпаюсь – темно, тихо. А он на кровати сидит и на меня смотрит. Спокойно так смотрит, тихо. И не моргает совсем.

Что? Короче, не знаю... Смешно, конечно, но я их того... В общем, не узнаю. Как будто не они это. Странно всё как-то...

Слава Богу, сменщик у меня заболел, так меня на работу вызвали. Вот сижу и думаю: что же случилось-то, с чего это всё, почему?

Вообще-то я всегда входную дверь закрываю. А тут не закрыл...